

Сергей Зацаринный

Золотые
призраки
смуты

Сергей Зацаринный

Золотые призраки смуты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848177

ISBN 9785449854155

Аннотация

Что такое клад? Это исчезнувшие ценности, судьба которых неизвестна. Это всегда тайна. А ещё, клад – это часто увлекательная история. В этой книге собраны документальные расследования и факты, собранные автором за годы его журналистской работы в сызранской городской газете.

Содержание

Клад Степана Разина	5
I. Легенды и были	5
II. Находка в сызранском архиве	13
III. Загадки старинной булавы	22
Сокровища усадьбы Перси-Френч	31
I. Рассказ старого краеведа	31
II. Призраки тайной войны	40
III. Наследница масонов	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Золотые призраки смуты

Сергей Зацаринный

© Сергей Зацаринный, 2020

ISBN 978-5-4498-5415-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клад Степана Разина

I. Легенды и были

«Об этих кладах записи есть: там прописано, где клад зарыт, каким видом является и с каким зарокотом положен... Эти клады страшные...». Так писал про разбойничьи сокровища известный знаток поволжской старины Мельников-Печерский. Много подобных историй рассказывалось на Руси долгими зимними вечерами у печки или у костра на привале. Немало искателей лучшей доли подавались в пытари – профессиональные кладоискатели. Были целые деревни, занимавшиеся этим промыслом.

И едва не каждый второй клад связывали с именем Степана Разина. А началась эта история шестого июня 1671 года, когда оборвалась земная жизнь знаменитого атамана. Тогда же начала свой путь через века легенда о разинских сокровищах. И не только легенда.

Брат Разина Фрол в последний момент выкрикнул: «Слово и дело государево!», что означало готовность рассказать о важном государственном преступлении, а Степан успел сказать ему: «Молчи, собака!». Эту последнюю фразу атамана услышал и записал, стоявший возле самого помоста немец Конрад Штуртцфлейш. Не понадеявшись на своё знание рус-

ского языка, он даже сделал это латинскими буквами.

Английский купец Томас Хебдон через неделю доносил: «Достоверно известно, что недавно казнённый мятежник действительно был у них главным бунтовщиком Степаном Разиным. Его брату залечили раны после пыток, и вскоре должны отправить в Астрахань, чтобы найти клады, закопанные там Степаном».

Много лет спустя, известный русский историк Костомаров, получив доступ к старым следственным делам, восстановит картину происходившего более подробно.

Власти очень быстро убедились, что от Степана Тимофеевича не добьёшься никаких сведений, а вот Фрол, не вняв последнему приказу брата, уже на следующий день «...про письма сказал, которые-де были присланы откуда ни на есть и всякие, что у него были, то все брат его Стенька ухоронил в землю... поклат в кувшин и засмоля закопал на острове на реке Дону». Кроме этого показал, что при бежавшем после поражения из под Симбирска на Дон атамане, был сундук с рухлядью и драгоценностями. Особенно запомнилась Фролу, почему-то сделанная из слоновой кости модель Царьграда, которую старший брат всё время возил с собой.

Таким образом, секретный разинский архив был спрятан на Дону, а вот загадочный сундук с драгоценностями, видимо, исчез где-то по дороге. Во всяком случае, посланный по царскому указу с Фролом Разиным отряд целых пять лет занимался поисками не только на Дону, но и в предгорьях

Жигулей. В этом не было ничего удивительного, ведь раненый под Симбирском Разин мимо Самары проплыл на стругах, а потом уже, двинулся в верховья Дона сухим путём. Где-то на этом участке он и избавился от громоздкой поклажи. Фрол со стрельцами так ничего и не нашли, дальнейшая судьба разинского брата теряется во мраке неизвестности. То ли под пытками умер, то ли сослан куда навечно.

На этом заканчивается документальная история клада и начинается легендарная. Начинается, как видим, не на пустом месте. Царь Алексей Михайлович не стал бы просто так гонять целых пять лет отряд стрельцов по Волге. Ценности у Разина были и немалые. Вот как описывал очевидец-иностранец возвращение казаков из персидского похода. «Они приезжали оттуда отрядами в город, и простые казаки были в одеты как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканые золотом. Некоторые носили на шапках короны из жемчуга и драгоценных камней. Казаки ежедневно приезжали в город и продавали там несказанно и невероятно дорогую добычу. Они продавали фунт шелку за три стейвера, и скупали его по большей части армяне и персы, составившие таким путем большие сокровища и богатства. Я купил у казака большую цепь, длиной в 1 клафт, состоящую из звеньев, как браслет, и между каждой долей было вплавлено пять драгоценных камней. За эту цепь я отдал не более 40 рублей, или 70 гульденов». Потом во время восстания в руки разинцев попал на два года город Астрахань, бывший тогда центром

восточной торговли России. Как следует из официальных документов, тогда было ограблено множество купцов персидских, индийских, армянских, татарских, захвачена царская казна. О том же, какими богатствами располагали эти купцы можно судить по их дарам, выставленным сейчас в Оружейной палате Кремля. Армянская компания, например, подарила царю Борису Годунову золочёный трон, усыпанный алмазами.

Не удивительно, что блеск этих сокровищ так сильно повлиял на тот образ знаменитого атамана, который известен нам из многочисленных, легенд, сказок и песен. Тем более, что и сам Степан Тимофеевич был человеком незаурядным. Царицынский воевода, на полном серьёзе, докладывал в Москву: «Того атамана ни пицаль, ни сабля – ничего не берёт», а тот же самый присутствовавший на казни бунтовщика английский купец Томас Хебдон написал: «Этот Разин всё время сохранял свой гневный вид тирана и, как было видно, совсем не боялся смерти».

Все эти рассказы реальные и придуманные со временем перемешались с историями других волжских разбойников, сказаниями и легендами, созданными на наших берегах многочисленными народами, жившими здесь и, в результате породили тот удивительный образ зачарованного атамана-колдуна, который плавает по воде на волшебной кошке и одним взмахом руки разбивает целые караваны. А сколько мрачных суеверий добавили ежегодные анафемы, произносимые Сте-

пану Разину в церквях.

Пожалуй, самая красивая легенда связана с нашими местами. В ней рассказывается, что остров на Волге напротив Сызрани, на самом деле крыша подводного дворца который стоит посреди зачарованного Мирного города. Живёт в нём прекрасная речная царевна. Там и укрылся Стенька Разин до поры до времени. Лишь изредка лунными ночами выходит он на поверхность и плавает по Волге на своей волшебной кошке или летает на лодке полной золота. А иногда поднимается из воды и сам Мирный город.

Шутки шутками, но вот уже на протяжении столетий многие люди видят, бывает загадочный мираж над южной излучиной Самарской Луки. Говорят, похожий на город. Кочевавшие некогда в наших краях калмыки-буддисты считали его видением Шамбалы. Сказка ложь – да в ней намёк. Ведь действие нашего рассказа о кладе Степана Разина будет происходить на этом же самом месте. В кладоискательских историях часто случаются удивительные совпадения.

Жаль, конечно, но придётся покинуть чертоги заколдованного дворца и романтический мир легенд и перенестись в начало прагматичного XX века. Это было время, когда сказки становились былью, всюду развивалась наука археология и учёные вновь заинтересовались многими древними тайнами. Шлиман нашёл легендарную Трои, Картер гробницу Тутанхамона, а у нас в России искали знаменитую библиотеку Ивана Грозного. Занимавшийся этим археолог Иг-

натий Стеллецкий, кроме всего прочего обратил внимание и на историю с сокровищами Степана Разина. К своему удивлению в ней он нашёл не только сказки и покрытые пылью старинные документы.

Оказалось, что эти сокровища перед самой Первой Мировой войной искал некий Мятлев. Серьёзный человек, военный инженер, он наверняка имел серьёзные основания для такого занятия. А вскоре выяснилось, что офицер по материнской линии принадлежал к роду прибалтийских дворян фон Роде. Это уже придавало всей истории совсем иное очертание.

Дело в том, что некий Аугюст фон Роде шведский дворянин на русской службе, как раз находился во время разинского восстания в Поволжье и даже был знаком с легендарным атаманом. Потом убрался от наших мест подальше и мирно доживал свой век в небольшом поместье, пожалованном за верную службу. Он же, якобы, укрывал у себя, а потом выдал властям некую Алёну, которую молва считала разинской любовницей. Вот какие-то бумаги этого самого фон Роде и попались на глаза два века спустя военному инженеру Мятлеву. Но не только они.

Оказалось, что и раньше некто из семьи фон Роде занимался таинственными поисками в Среднем Поволжье. Закончилось это неудачно. Во время земляных работ произошёл обвал, насмерть задавило трёх рабочих, а сам незадачливый искатель угодил под суд.

Теперь уже вырисовывалась вполне определённая картина. Увы, никак не подтверждённая документами. После ареста Разина обладателем тайны его сокровищ стал некий есаул Лука Черепок. После его гибели, то ли атаманская, то ли есаульская любовница Алёна, укрылась у фон Роде, которому и раскрыла секрет. Много лет спустя на эти бумаги наткнулся потомок барона и отправился на поиски, закончившиеся трагически. А ещё через некоторое время тайна попала в руки военному инженеру Мятлеву. Увы, на нём история обрывается. Сам Мятлев погиб, что и где он искал – осталось загадкой. Остался лишь слабенький след. Когда офицер брал отпуск, чтобы отправиться на поиски, он, как человек военный был обязан указать место своего нахождения. В бумагах Мятлева таковым значится Самара.

Вот по этому следу и двинулись современные поисковики. Авторы телевизионного цикла «Искатели» некоторое время пошарили по пещерам и каменоломням в окрестностях Самары и убрались, не солоно хлебавши. Ничего, что, так или иначе, можно было бы соотнести со Степаном Разиным или хотя бы инженером Мятлевым им не попало. Казалось, теперь эта история канет в Лету уже навсегда.

Но экспедиция напрасно не проехала на сотню километров ниже по течению Волги. Туда, где и поныне ещё является некоторым счастливицам зачарованный Мирный город. Именно там, в недрах Государственного архива города Сызрани лежал и ждал своего часа один прелюбопытный доку-

МЕНТ.

II. Находка в сызранском архиве

Несколько лет назад рылся я в бумагах Сызранского уездного суда конца XVIII века. Занятие это, как нельзя лучше, характеризуется словами Пушкина: «Минувшее проходит предо мной». Медленно перелистываешь плотные страницы голубоватой бумаги, украшенной филигранями давно забытых фабрик, всматриваешься в почерк канцеляристов. Нет-нет и повеет на тебя нюхательным табаком, который так любили в этом галантном веке. И словно оживут давно ушедшие тени.

Чего только не найдёшь здесь. Протоколы допросов и осмотра мест происшествий, описи имущества, жалобы, иски, купчие крепости. Настоящая энциклопедия тогдашней жизни. Вот в числе прочего и попало мне упоминание, что некий Фёдор фон Роде нанялся к здешнему помещику Василию Самарину делать машины. Подобная история не могла не заинтересовать. Машины в конце XVIII века, да ещё в нашей провинциальной глуши. Да и личность самого Самарина была весьма примечательна.

Он как раз только-только перебрался в наши края. Приобрёл в сызранском Заволжье обширные земли и стал здесь обустраиваться. Новые владения были совершенно безлюдны. Раньше ими владели какие-то князья, но чисто номинально. Прямо рядом были летние кочевья калмыков, поче-

му жить там было опасно. Лишь летом приезжали на хутора сызранские обыватели, да крестьяне помещиков Дмитриева и Бестужева для сенокоса.

Самарин решил твёрдую ногой встать в Заволжье, благо, средства имелись. Переселил в Сызранский уезд более 2000 крестьян, основал несколько сёл и деревень. В описываемое время они ещё даже не успели обзавестись постоянными названиями. Все населённые пункты, принадлежавшие Самарину именовались либо по имени хозяина Васильевскими, либо Аннинскими. Ещё было в совместном владении с князем Урусовым село Вязовка с обширными угодьями на правом берегу Волги. По разделу этого имения в описываемое время велась длительная судебная тяжба, что, кстати, сыграло важную роль во всей последующей истории.

Самарин вёл дело по последним достижениям тогдашней экономической науки. Выписывал из-за границы племенной скот, для переработки излишков зерна строил винокуренный завод. При этом часть производственных процессов хотел механизировать. Для чего и нанял некоего барон фон Роде, отставного майора инженерного корпуса. А оказалось это дело в Сызранском уездном суде потому, что работы так и не были выполнены. Бросив дела на полдороге, майор уехал. Вот, собственно, и вся история.

Вернуться к ней снова меня заставил тот самый рассказ о сокровищах Степана Разина. Ведь там упоминался некий барон фон Роде, искавший клад где-то на Средней Волге

и угодивший под суд. Причём, во время земляных работ произошёл обвал, и погибло три человека. Так ведь в сызранском деле тоже упоминался обвал, унёсший три жизни! Я прочитал дело повнимательней, и сразу обнаружил в нём множество странностей.

Давайте вместе пройдем по цепочке событий, произошедших под Сызранью более двух веков назад.

В №43 газете «Московские ведомости» появилось объявление. Вышедший в отставку военный инженер майор Фёдор Иванович фон Роде писал, что он, «зная механическое и гидрологическое искусство, может худые мельницы, плотины и шлюзы с весьма малой суммой исправить. Может поднимать вверх воду с помощью изобретённой им машины». При этом автор выражал готовность заключить длительный контракт на несколько лет.

Прошло довольно много времени, пока газета не попала на глаза сызранскому помещику Василию Самарину. Он и написал в Москву своему знакомому полковнику Якову Апрелеву, чтобы тот предложил фон Роде контракт. Тот с готовностью согласился, затребовав 1200 рублей годового жалованья и питание для троих, сопровождавших его людей в размере полутора пудов ржаной муки и полутора гарнцев крупы в месяц. В октябре 1790 года барон прибыл в Симбирск.

Здесь, как водиться, уже составили окончательный контракт. Барон плохо знал русский язык, поэтому документ

пришлось переводить на немецкий. Фон Роде предстояло сделать лесопилку, устройство для измельчения грубых кормов и многое другое. Но самым главным были водоподъёмные машины для подачи волжской воды. После недолгих переговоров, в ходе которых кормоизмельчительную машину исключили из документа, 23 октября 1790 года в симбирской маклерской конторе был, наконец, завизирован контракт между Самариним и фон Роде, после чего инженер получил 1200 рублей, провиант для слуг и отбыл в Сызранский уезд.

Правда, здесь не был упомянут ещё один человек, который, тем не менее, прибыл вместе с ним. Это тётушка майора. Зачем понадобилось тащить её в нашу глушь?

За зиму фон Роде сделал лишь лесопилку и пару водокачек при колодцах. А также приготовил чертежи. Для того, чтобы как следует осмотреться на местности, время было. Подлинное рвение он стал проявлять лишь весной, когда начал делать большую водоподъёмную машину. Эта работа требовала значительных земляных работ.

Видно было, что Роде торопился. Он постоянно требовал от Самарина удвоить количество землекопов и под разными предлогами уклонялся от выполнения других работ. А 13 октября произошёл обвал. Обрушилась траншея глубиной в три сажени, похоронив под собой троих работников.

Самарин воспринял это известие спокойно. Он лишь, по существовавшему порядку, уведомил уездную полицию

о произошедшем несчастном случае. Даже расследование по данному делу не проводилось. А вот фон Роде повёл себя более чем странно.

На пятый день после происшествия, когда Самарин отбыл в Сызрань, чтобы замять дело о гибели людей в местном суде, к майору прибыл таинственный гость. Это был ни больше, ни меньше, как посланец самого князя Александра Куракина.

Те, кто учился в школе в 70-е годы, помнит, наверное, портрет напыщенного вельможи, усыпанного бриллиантами, который украшал учебник по истории для седьмого класса. Это и был князь Александр Куракин. Бриллиантовый князь, как его называли современники за страсть к драгоценностям. А ещё, друг наследника российского престола Павла Петровича. В описываемое время императрица Екатерина II, как раз отправила Куракина в ссылку в саратовское имение, дабы оградить от его дурного влияния великого князя. Ведь помимо любви к самоцветам, этот человек имел ещё и многочисленные и весьма сомнительные связи в масонских кругах. В это время в России как раз начались гонения на «вольных каменщиков», которых не без оснований подозревали в контактах с иностранными тайными организациями.

Уже позже, давая показания суду, фон Роде проговорится, что появление посланца князя Куракина было не случайным. Он приехал по просьбе самого вице-канцлера Российской империи Андрея Остермана, которому, в свою очередь

майор незадолго до этого посылал письмо. Что связывало могущественного вельможу с незадачливым строителем лесопилок и водокачек, остаётся загадкой. Последующие события слишком явно показали, что за спиной майора стояли очень влиятельные люди.

Во всяком случае, едва переговорив с посланцем князя, фон Роде немедленно явился к жене Самарина и заявил, что уезжает. Та, естественно, посоветовала дождаться возвращения мужа, а пока запретила отлучаться. Куракинскому же посланнику прямо посоветовала убраться восвояси. Самаринский управляющий довольно прозрачно намекнул тому, что у нас здесь в Волге часто тонут.

То, что это не пустые шутки стало ясно после приезда Самарина. Тот вернулся поздно 19 октября, а уже с утра приказал ударить в набат, созывая мужиков, которые затем выломали дверь жилища барона и схватили посланника. Сам фон Роде в одном сюртуке выпрыгнул в окно и убежал. Он укрылся в пойменных болотах, которых так много было раньше на берегах Волги.

Барону не позавидуешь. 20 октября – это первое ноября по новому стилю. Оказавшись без тёплой одежды в малонаселённых местах, где практически не было никого, кроме самаринских крестьян, он был обречен. Единственной надеждой был управляющий князя Урусова, того самого, что судился с Самариним из-за правобережных земель. К нему и добрался фон Роде «по стуже и болоту». Там беглецу да-

ли лодку и пару провожатых, которые ночью переправили его через Волгу и обеспечили подводой, доставившей майора уже в Репьёвку, в дом помещика Василия Бестужева.

26 октября фон Роде добрался, наконец, до Куракина. Тот немедленно начинает хлопотать о вызволении из «плена» тётки барона и его имущества. Уже 10 ноября симбирский наместник Карпов присылает в сызранскую уездную полицию строжайшее предписание немедленно отправиться в Васильевское и привести женщину.

Самарин, естественно, не успокоился. Он имел обширнейшие связи на самом верху, его шурин был даже генерал-губернатором Петербурга, а тут какой-то лифляндский проходимец за нос водит. Самарин вызвал губернского архитектора, провёл освидетельствование всех произведённых работ и потребовал или их завершения или денежной компенсации в 5000 рублей. Но, коса нашла на камень. Дело словно упёрлось в глухую стену. Кто-то очень могущественный явно не давал ему хода.

А после 1796 года, когда Павел Петрович стал императором российским, а князь Куракин генерал-прокурором, дело и вовсе исчезло, оставив лишь несколько копий протоколов в журнале уездного суда. Там ведь было очень много интересных документов. Например, подробное описание работ фон Роде, сделанное архитектором Тоскани. Показания на допросах многих действующих лиц. Понятно, что барон не болтал лишнего, а вот они могли и ляпнуть что-нибудь

ненужное по неразумению. Какие подробности унесло с собой это дело, остаётся лишь догадываться. Мы же попробуем собрать воедино то, что есть.

Некий фон Роде, предок которого Аугюст был знаком со Степаном Разиным и его окружением, а потомок Мятлев искал, сокровища атамана где-то недалеко от Самары, отправляется под Сызрань и проявляет немалый интерес к земляным работам. Глубина, на которую он при этом углубляется, достигает шести метров. При этом, он уведомляет о своей поездке не кого-нибудь, а самого вице-канцлера Российской империи.

В октябре события начинают развиваться с лихорадочной быстротой. Барон о чём-то уведомляет своих покровителей, и те посылают к нему человека. В это же время происходит обвал, и гибнут землекопы. После чего майор прекращает работы и бежит из имения. Но, совершенно очевидно – бежит не из-за обвала. Самарин дело замял, требовал продолжения работ, платил хорошие деньги. Так почему бежал барон? Зачем так лихорадочно переписывался с Куракиным и ещё с кем-то? Зачем притащил с собой в глушь свою тётку?

Создаётся впечатление, что фон Роде сделал то, что хотел. Только вот что? Остаётся лишь строить версии. Время ведь было очень богатым событиями. Екатерина II начала гонения на масонов, подозревая их в связях с зарубежными организациями, что повлекло значительные финансовые трудности не только для российских «вольных камен-

щиков», но и для наследника престола Павла Петровича, который в эту пору, по слухам, обращался за деньгами даже к старообрядцам. Вполне, кто-нибудь из его окружения мог решиться на авантюру с поиском клада.

Теперь о самом фон Роде. Почему он отправился на Волгу именно в это время? Ответ напрашивается сам собой – до этого места южнее Сызрани были пустынно и опасны. Летом там кочевали калмыки, на самой реке хозяйничали разбойники. Появление в этих краях экспедиции неизбежно привлекло бы внимание властей, да и было всё это делом слишком дорогостоящим.

А тут как раз подвернулся Самарин с его хозяйственными проектами. Осталось только дать объявление и ждать, когда добыча сама клюнет. И о землекопах беспокоиться не надо. Но это лишь версии, которые можно строить сколько угодно.

Всю эту историю я изложил в статье, которая была опубликована год назад в журнале «Квартира 63» и думал, что теперь уже к ней вряд ли когда вернусь. Но я совсем забыл, что клады живут по каким-то своим, им одним известным законам. Они сами выбирают час, когда и как явиться на свет, когда заканчивать рассказ и когда продолжать. Прошло совсем немного времени, и клад Степана Разина снова напомнил о себе.

III. Загадки старинной булавы

Чем больше я занимаюсь историей нашего края, тем больше удивляюсь – насколько она богата. Сколько в ней тайн, захватывающих историй, исчезнувших сокровищ. Только не знаем мы про них. «Ленивы и нелюбопытны» – сказал классик. Те же легендарные сокровища Степана Разина. Где только их не ищут. Фильмы снимают, экспедиции организуют. А след-то, судя по всему, идёт сюда – к нашей родной Сызрани.

Когда несколько месяцев назад я увидел в местной газете упоминание о том, что за Волгой нашли старинную пушку, то поначалу и думать не мог, куда меня заведёт эта история. Просто стало интересно. Пушек в былые времена у населения было немало. Ставили их на свои суда купцы для обороны от лихих людей, которыми тогда изобилдовал Волжский путь, держали в своих усадьбах помещики. Два оригинала из села Комаровки, даже приглашали друг друга в гости пушечными выстрелами. Кроме всего прочего, часто во время штормов тонули в Волге суда, и потом местное население промышляло тем, что доставало с них всякое добро. А добро всякое бывало, в том числе пушки с казённых уральских заводов, предназначенные для южных крепостей.

Однако, увиденное сразу озадачило. На пушке не оказалось клейма. Да и само литьё было не очень качественное,

совершенно не похожее на заводское. Сварной шов на боку говорил о том, что орудие некогда отлили в виде двух половинок и соединили. Строгий государственный регламент подобного не допускал.

Собственно, эта пушка и не предназначалась для чрезмерных нагрузок. В длину не достигала и полуметра, снабжена была снизу металлическим штырём для жёсткого крепления и служила, скорее всего, для защиты речного струга или расшивы.

Не удалось установить и места её первоначального обнаружения. Просто валялась с незапамятных времён под крышей бани, пока на неё не обратили внимание. Особо примечательной была одна деталь – пушка была залита смолой. Не завернута в просмолённые тряпки, а именно полностью залита. С какой целью это было сделано? А что если целью столь мощной консервации была не пушка, а некие бумаги, спрятанные в стволе? Сразу вспомнились слова из следственного дела Фрола Разина «и засмоля закопал». Увы, пушку отмачивали в керосине, если что и было – утрачено.

А почему вы скажете, я вдруг вспомнил легендарного атамана? Дело в том, что с пушкой был найден и другой предмет. Булава.

Ржавая невзрачная, она поначалу и внимания не привлекала, и я даже принял её за некий артиллерийский инвентарь, вроде банника. Но внимательный взгляд сразу определил, что такой она была не всегда. На яблоке орудия и ру-

кояти явственно виднелись следы позолоты. Хорошей, добросовестной позолоты из толстой ковanej фольги. Её кто-то нещадно соскоблил, но следы остались. Парадная булава! Символ атаманской власти! Совершенно очевидно, что она вряд ли принадлежала предводителю какой-нибудь небольшой шайки. Такая регалия была нужна лишь тому, кто возглавлял очень внушительный отряд.

Думаю, вы представляете, с каким благоговением я теперь держал в руках эту булаву. Ведь не исключено, что она некогда принадлежала одному из разинских атаманов, а может, чем чёрт не шутит, самому Степану Тимофеевичу. Увы, от её первоначального облика мало что сохранилось. Все украшения были безжалостно содраны давным-давно.

Только у самого конца рукояти осталось несколько точек, которые я первоначально принял за след от крепежа оплётки. Вроде отметин от удара гвоздём. И лишь потом, когда я рассматривал фотографии, мне пришла в голову мысль, что крепёж оплётки должен был равномерно распределяться по разным сторонам рукояти. Здесь же таинственные точки очень чётко выстраивались по одной линии. И были явно разбиты на группы. По две точки, по три, по четыре.

Сразу припомнилось детство, фильм «Кортик», таинственные точки и чёрточки на ножнах. Древнерусский шифр – литорея. Неужели и здесь то же самое? Помнится, в фильме была только половина шифра, а другую половину предстояло найти. Может и здесь то же самое? Увы, ни один

из специалистов, к которым я обращался, помочь ни с чем не смог. Посоветовали обратиться в Государственный исторический музей. Ответ на этот вопрос ещё предстоит найти. Как и вопрос на то, каким образом попали эти предметы под крышу старой деревенской бани.

Пока же давайте вернёмся к материалам археолога Игнатия Стеллецкого. Того самого, что искал много лет библиотеку Ивана Грозного в подземельях Кремля, а нам поведал историю о кладоискательской одиссее потомков барона Аугюста фон Роде. Ведь именно оттуда тянется едва заметая ниточка к нашим краям.

История обретения бароном тайны разинских сокровищ выглядит следующим образом. После ареста и гибели атамана его сподвижник есаул Лука Черепок, то ли спрятал, то ли перепрятал некие ценности, а сам вскоре погиб. Обладательницей тайны становится некая Алёна-ватажница, которая и укрывается у фон Роде. Ведь это прекрасно объясняет, почему отряд царских стрельцов, ведомый Фролом Разинам, так ничего и не нашёл. Черепок всё перепрятал.

Здесь невольно возникает вопрос, кто же собственно такие эти есаул с Алёной. Почему они столь решительно и самовольно распоряжались разинскими тайнами, бесцеремонно перепрятывая ценности и секретные архивы?

Прежде всего, Алёна-ватажница. Почему-то все, кто пишет об этой истории, неизменно отождествляет её со старшей Алёной, знаменитой атаманшей, воевавшей под Ар-

замасом. Личность это, несомненно, легендарная. Монахиня, возглавившая повстанческий отряд, успешно громившая царских воевод, впоследствии, объявленная колдуньей и сожжённая на костре. Советская историография даже пыталась объявить её российской Жанной Дарк.

Слишком очевидно, что с нашей Алёной-ватажницей её объединяет лишь имя. Возможно, секрет разинских сокровищ действительно попал в руки, женщины не столь знаменитой, скорее всего любовницы, то ли самого атамана, то ли кого-то из его ближайшего окружения. Просто её затмил образ более знаменитой тётки.

О есауле Луке Черепке тоже не удалось узнать ничего.

Остаётся только одно – снова перенестись в далёкий 1671 год и посмотреть, что же происходило в наших краях после казни Степана Разина.

Средняя Волга была полностью в руках казаков. В то самое время, когда Фрол Разин давал свои показания в царских застенках, атаман Фёдор Шелудяк вновь штурмовал Симбирск. Его удалось отбить с огромным трудом, и казачьи отряды отошли на юг к Царицину. Но уже 13 июля Симбирск вновь подвергся неожиданному нападению, причём с севера. Отряд атамана Максима Осипова, действовавший до этого под Нижним Новгородом, пробиваясь в низовья Волги, пытался использовать фактор внезапности. Но сил у него было слишком мало. Активные боевые действия велись до поздней осени, когда воевода Милославский убедил,

наконец, сдать мятежную Астрахань, обещая царскую милость и прощение.

Что характерно, слово своё вельможа сдержал. Кстати, именно в этом походе Милославский имел при себе икону Божьей Матери Живоносного источника, которую затем взял в Москву. Именно перед этим образом там был отслужен торжественный молебен по случаю благополучного прекращения бунта. У этой иконы была интересная судьба. Её взял в свои комнаты царь Алексей Михайлович, а, когда, одиннадцать лет спустя, была основана крепость Сызран, именно этот образ был передан в наш городской собор, воздвигнутый в её честь.

Лишь после того, как Милославский в 1672 году уехал в Москву, начался розыск и преследование участников восстания. За это время многие успели бесследно скрыться, включая крупных руководителей. Так и не нашли Никифора Чертка – дядю Степана Разина, ускользнул от сыщиков Асан Карачурин, активно действовавший как раз в наших краях. Чего уж говорить о мелкой сошке? О том, что затерялось и попраталось во всей этой круговерти, говорят лишь строки позднейших документов.

Стрелец Карп Семёнов, перешедший на сторону Разина, а впоследствии живший в Астрахани, прятал у себя в подполе тетрадь, в которой были собраны приговоры и «листы». Её ему передал во время боя под Симбирском смертельно раненый казак Григорий. Донской атаман И. Иванов, двинув-

шийся в 1682 году со своим отрядом на Волгу, имел при себе «знамена и прапорец Стеньки Разина». Но большинство тайн того времени так и осталось укрыто по заповедным урочищам.

Самыми разными путями могли попадать в наши края разинские реликвии. Ведь, когда основывали город, практически все, кто получал земли в его окрестностях: карсунские казаки под командованием Василия Жемкова, мордовские и чувашские мурзы, были бывшими участниками восстания. Тогда же подьячие, посланные для осмотра земель, неожиданно обнаружили в глухом долу у речки Метлей неизвестную татарскую деревню, жители которой сообщили, что переселились сюда из Темниковской округи. Не там ли нашёл себе убежище Асан Карачурин с товарищами?

Но нас всё-таки больше интересует тот след, который ведёт через барона фон Роде. Ведь, судя по всему, в данном случае речь идёт о действительно больших ценностях, которые могли принадлежать лишь самому Разину. Совершенно очевидно, что после его гибели бывшие соратники не могли не попытаться найти тайник атамана. У них было куда больше возможностей, чем у царских сыщиков. Но, это почему-то не удалось. Может здесь и таится причина гибели того самого есаула Луки Черепка? А Алёна-ватажница была просто романтической особой, ненароком впутавшейся в кровавые мужские дела? Ведь связывало же её что-то с бароном Аугюстом фон Роде, не спроста она искала убежище именно

у него? Учитывая, что Алёну некоторые называют разинской любовницей, на ум лезут самые пикантные версии. Но это уже хороший сюжет для романа. Не случайно, что первым, кто в советское время обратил внимание на эту историю, был не кто иной, как Юлиан Семёнов, написавший ещё в 1984 году очерк «Закрытые страницы истории». Мы же остановим свои предположения на этом месте. Тем более, что они отлично накладывается, как на официальное описание исторических событий, так и на данные Стеллецкого.

Возможно, именно Сызранское Заволжье и стало последним пристанищем знаменитого разинского клада. Именно здесь копался незадачливый Фёдор фон Роде. Здесь найдена засмоленная корабельная пушка и позолоченная атаманская булава. Вот только какими путями они очутились под крышей крестьянского дома? Загадки, загадки... А ещё таинственная надпись на рукояти булав. Что она означает? Кто её оставил и для кого?

Положение осложнялось тем, что у меня на руках остались лишь фотографии. Хорошо ещё, что я догадался скопировать в блокнот загадочные знаки. Вот с таким багажом я и обратился к специалистам. Мнение их было единодушным – такой тип булав им встречается впервые. Какая-то она странная. Положение спасли те самые знаки, скопированные в блокнот. Едва взглянув на них, реставратор сразу же хлопнул себя по лбу. Это безмен! Немудрёное приспособление, использовавшееся в былые времена для взвешива-

ния тяжёлых грузов. Просто крюк у него был сломан, что сделало его похожим на булаву. Вот почему никто не мог определить тип оружия.

Увидев моё разочарование, реставратор решил меня успокоить. Оказывается всевозможный весовой инструмент: гири на верёвочках, безмены весьма широко применялись лихими людьми в качестве оружия. Это, широко освещено и в художественной литературе. В том же романе Валентина Пикуля «Слово и дело» сызранские купцы «отходили» безменами Ваньку Каина. Так что не случайно кто-то заботливо завернул вроде бы сломанный и ненужный предмет в просмоленную тряпку и спрятал вместе с пушкой. Вот только знаком атаманской власти этот безмен не являлся.

Тайна ждёт своей разгадки.

Сокровища усадьбы Перси-Френч

I. Рассказ старого краеведа

Как заметил Марк Твен: «В жизни каждого человека бывает период, когда он хочет найти клад». В наш прагматический век, когда жизнь стала однообразной и напряженной, когда дни сливаются в бесконечной однообразной череде от обеда до ужина, от работы до выходного, от сериала до сериала, когда вкус притупляется от одних и тех же блюд, а чувства подменяются модным словечком стресс, вдруг однажды так захочется чего-нибудь необычного. И начинают сниться человеку неведомые страны, чужие города.

А потом захочется найти клад. Не выиграть в лотерею кучу денег или получить большое наследство – именно найти клад.

Наши предки считали это занятие делом мистическим, тесно связанным с ворожбой, заговорами, потусторонней силой. Надо признать – определенный резон в их мыслях есть. Ведь что такое клад? Это некие ценности, утратившие своего хозяина. От чего зависит их дальнейшая судьба, кому в руки попадет власть, богатство и удача, на какое-то время укрывшиеся от глаз людских? Неведомо. Кто владеет сокровищем, пока оно мирно спит в укромном тайнике? Можно, конеч-

но, сказать никто, но природа не терпит пустоты. Вот и рождало народное сознание множество легенд и преданий. Клады по представлениям наших предков живут своей жизнью. Они обладают характером, окружены тайнами, заклетами и опасностями. Любой человек, кто хоть однажды сталкивался с кладоискательством, расскажет вам множество случаев так или иначе подтверждавших это.

История, которую я хочу рассказать, началась в сентябре 1991 года. В самое, можно сказать, неромантическое время. Только что закончился печально известный путч, политические карлики с упоением делили неожиданно свалившуюся на них власть, а огромный корабль под названием Советский Союз ветры истории уже вовсю несли на скалы, навстречу гибели. В предчувствии скорого кораблекрушения многие искали себе новое место в жизни. Был среди них и ваш покорный слуга.

В поисках работы я слонялся по городу. Занятие это во все времена было неинтересным, а в ту пору еще и малообещающим. Уходили последние теплые деньки, ярко светило осеннее солнце. Вспоминая это время, я часто думаю, что если бы я тогда всецело отдался поискам работы, а не поддался невинному желанию зайти в городскую газету поболтать со своим приятелем Сашей Молчановым – я так никогда бы ничего не узнал о сокровище усадьбы Перси-Френч.

С Молчановым у нас было общее увлечение – краеведение. Он отвечал за эту тему в газете и при встрече всегда

рассказывал что-нибудь интересное. Так было и на этот раз. Только разговор зашел о кладе.

Некий старик рассказал ему, что знает место, где в революцию спрятали какие-то ценности. Признаюсь, история эта не вызвала у меня никакого энтузиазма. Рассказы о спрятанных сокровищах я слышал не раз. Показывали дома или колодцы, где кто-то когда-то схоронил немалые богатства. Собеседник обычно, нервно поддергивая латаные-прелатаные и, видимо, единственные штаны с увлечением описывал чугунки с червонцами или золотые иконы, а я, глядя на многочисленные заплаты, с грустью думал, что ему явно не мешало бы давным-давно употребить хотя бы часть его сокровищ на свои насущные потребности. И единственной причиной, которая помешала ему сделать это, являлось отсутствие всех этих несметных залежей. Как сказали древние: «Кто знает – молчит, а кто говорит – не знает».

Хотя, если честно сказать, наша Сызрань по части кладов одно из самых удачных мест. Здесь некогда постирались владения древнего Булгарского царства, державшего в своих руках едва не всю тогдашнюю торговлю мехами. Невдалеке от нас археологи и поныне раскапывают остатки огромного города, стертого с лица земли ордами Батыя. Жители погибли в жестоком бою. Полтора века спустя другой «сотрясатель вселенной» – Тимур огнем и мечом прошелся по нашему краю. Совсем рядом, за Волгой, на речке Кондурче в самой великой битве средневековья разбил он хана Золо-

той Орды Тохтамыша и само это царство сделал достоянием истории. Опустошение, произведенное «железным хромцом» было столь ужасным, что Среднее Поволжье обезлюдело на три столетия. Много кладов осталось в нашей земле от тех времен. Находили их крестьяне деревни Губино в XIX веке, попадались они и нашим современникам. Последний из обнаруженных кладов ордынских монет показывали мне всего пару месяцев назад.

Немало «схронов» оставило нам и другое погибшее царство – Российская империя. Мало кто из сызранских толстосумов сумел вывезти накопленное добро. В основном попрятали в ожидании лучших времен. Когда ломали старые дома под строительство в районе нынешнего торгового центра «Юбилейный» наткнулись на множество серебряных монет. Случай тот получил огласку, а сколько было подобных находок, оставшихся в тайне?

Почему я тогда согласился сходить с Сашей к старику и сам не пойму. Наверное, просто устал от однообразия и беспросветности тогдашней сызранской жизни. Захотелось хоть на миг окунуться в атмосферу иного мира. Где живут тайны, бродят тени давно минувших времен и где еще осталось чуть-чуть романтики. Так или иначе, но когда уже вечернее солнце позолотило верхушки деревьев, а у моего товарища закончился рабочий день, мы вошли в подъезд заурядной пятиэтажки на Монгоре, где нас уже поджидал, предупрежденный о нашем визите старик.

На меня он сразу произвел впечатление самое благоприятное. Не по годам подтянутый, подвижный, несмотря на то, что уже под восемьдесят. Что самое главное – наш хозяин менее всего походил на романтического искателя сокровищ. Было сразу видно, что перед нами человек очень умный и довольно прагматичный. Прежде всего, он попросил, чтобы все услышанное осталось между нами. Потом был рассказ.

История была краткой и подробностями не изобиловала. Суть ее сводилась к следующему. Возле села Трубетчино до революции стояла барская усадьба, в смутное время некие ценности оттуда были спрятаны и теперь их нужно достать. Обычное дело. На мой осторожный вопрос – откуда это известно, старик уклончиво отвечал, что ему открыл тайну некий житель села, ныне умерший. После чего пошел традиционный в таких случаях рассказ о самом кладе. Слушать такие истории всегда интересно, независимо от того, правда это или вымысел. Волей неволей переносишься в чужую жизнь, другое время. Намеренно или случайно старик не включил большой свет, ограничившись настольной лампой и это создало в небольшой полутемной квартирке атмосферу таинственности.

Решительно чиркая на листке бумаги, хозяин рисовал квадратики, поясняя: «Здесь дом, здесь конюшня... Сервизы, безделушки из интерьера, хрустальный слон в серебре!» Но совершенно меня поразила фамилия хозяйки усадьбы. Перси-Френч! Тогда я услышал ее впервые.

Да и что я мог знать о сызранском дворянстве. Чему-чему, а уж истории родного края нас учили воистину понемногу и как-нибудь. Больше нажимали на революционное прошлое. Ну и в качестве социальных антиподов упоминали купцов. Кровопийц и эксплуататоров. Дворяне даже на эту роль не подходили, вот и сбросили их решительно с корабля истории наши советские «властители дум». Я, например, к стыду моему, на тот момент мог назвать лишь три дворянские фамилии, имеющие отношение к нашему краю. Орлов-Давыдов, Дмитриев, ну и Денис Давыдов, поэт-партизан. А тут такое имя, как из заморской сказки. Перси-Френч! Правду сказать, на тот момент это было единственным, что меня поразило. Хотя нет.

Не менее интересной показалась мне личность нашего собеседника. Кто смотрел знаменитый фильм, тот знает, каковы национальные особенности русской охоты. Национальные особенности русского кладоискательства точно такие же. После рассказа о сокровищах хозяин достал бутылочку водки для нас с Молчановым, себе по причине преклонного возраста налил домашнего винца и разговор перетек, как это часто бывает, в другое русло. Поговорили о политике, дедушка вспомнил войну. Служил он в артиллерийской разведке, имел старшее офицерское звание. Мое первое впечатление об этом человеке полностью подтвердилось. Умный, бывалый, очень практичный и образованный человек. Ну никак не походивший на романтического искателя

сокровищ. Все это никак не укладывалось в обычную стандартную схему.

На мой вопрос о том, какие же будут наши дальнейшие действия, он ответил коротко и четко: «Нужен план усадьбы!»

Когда мы вышли на улицу, было уже темно. Вечера в сентябре уже холодные и хотелось скорее добраться до теплых квартир. В домах уютно светились окна, а мы с Молчановым, будучи еще под впечатлением рассказа обменивались мнениями. А вопрос в таких случаях всегда возникает один. Если человек знает, где закопан клад – зачем он об этом рассказывает? Пошел бы давно и сам вырыл. В данном случае единственным разумным объяснением было отсутствие плана усадьбы. Само место действия тоже представлялось нам довольно смутно. В селе Трубетчино я был всего пару раз и то проездом. Рядом лес, маленькая речушка. Красиво, много грибов, что еще? Никаких барских усадеб, если честно не замечал.

Решив довести это дело до конца, мы договорились, что я на следующий день схожу в архив и попытаюсь найти его. На том и расстались.

Для тех, кто уже привык жить в нынешнем царстве свободы и уже подзабыл или совсем не знал тогдашние советские реалии, сделаю маленькое напоминание. Это сейчас по архивам ходят все кому не лень. А в те недавние времена государственный архив был учреждением режимным, предна-

значался для служебного использования и чрезмерный интерес к его хранилищам частных лиц, мягко говоря, не поощрялся. Мне для того, чтобы получить доступ к интересующим меня документам, пришлось оформлять бумагу от городской газеты. С прессой тогда тоже больше считались, чем сейчас.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что незадолго до меня в архив обращался мой новый знакомый. С тем же самым вопросом. Искал план усадьбы, которого в Сызрани не оказалось. Вот после этого он и попытался прибегнуть к посторонней помощи. Ведь путь теперь лежал в архив Ульяновской области, а туда доступ нашему краеведу был закрыт. Узнал я и то, что перед тем, как идти в газету, старик пытался обратиться с этим вопросом в горисполком. Вряд ли простой сочинитель романтических сказок проявил бы такое упорство.

Теперь в истории появилось некое рациональное зерно. Дело выглядело следующим образом. Кто-то сообщил нашему знакомому место, где спрятаны некие ценности и в качестве ориентира указал определенное здание, ныне не сохранившееся. Теперь, чтобы хоть как-то привязаться к местности, старику обязательно нужен план, достать который без помощи официальных структур ему не удастся. Все вставало на свои места. Оставалось, правда, неясным кто этот таинственный мистер X, столько лет хранивший тайну клада, но так ей и не воспользовавшийся.

Но мои каникулы заканчивались. Я уже и так был вознагражден за свои труды занимательной историей. Снова потянулись будни с их монотонной однообразностью. Романтические поиски ушли куда-то вдаль, но я еще не знал тогда, что клады – дело мистическое. Они живут по своим, известным одним им, законам и приходят в мир людей в свой, определенный кем-то неведомым, час.

Я забыл о сокровище усадьбы Перси-Френч. Как мне казалось – навсегда.

II. Призраки тайной войны

Чем дольше живешь – тем больше убеждаешься: неисповедимы пути Господни. Мог ли я подумать, что снова вернуться к таинственной истории о сокровище Перси-Френч меня заставит вернуться никто иной, как сам Вальтер Николаи – легендарный и загадочный шеф германской разведки времен Первой Мировой войны, один из величайших шпионов богатого событиями XX века.

Вообще-то эту главу правильнее было назвать: «О пользе чтения книг», потому что, не попадись мне на глаза скромный невзрачный сборничек с подзаголовком: «Рассказы о чекистах» – это расследование так никогда и не было бы написано.

К тому времени я уже перебрался на жительство в Самару. Нашел себе работу, снял квартиру в старинном двухэтажном и, надо сказать, весьма ветхом домике буквально в нескольких минутах ходьбы от места, где некогда обитал начинающий помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, ведать не ведавший, что ему предстоит стать вождем мирового пролетариата. Быт в этом районе Самары мало изменился со времен царя-батюшки. Удобства располагались во дворе, печки топились дровами, а воду приходилось таскать из колонки. Газ и электричество – вот, пожалуй, и все дары цивилизации.

Но, нет худа без добра. В этом забытом уголке царил неуловимый аромат прежней, давно минувшей жизни. В чулане еще валялись тяжеленные весовые гири и железные аршины, оставшиеся от прежних хозяев, которые победивший пролетариат за время своего многолетнего господства, так и не удосужился выбросить, на чугунных дверцах печек стояли клейма, каких-то позабытых товариществ и обществ, и сам дом был скрипучий, нахохленный, полный, одному ему ведомых, воспоминаний.

Вот в это романтическое местечко я и брел в сгущающихся сумерках сырого ноябрьского вечера. Путь лежал мимо Самарского рынка, в окрестностях которого, прямо на тротуаре разложили свой нехитрый скарб несколько торговцев. У одного из них рядом со старыми валенками, фуфайкой и металлическими предметами, неизвестного мне назначения, лежали потрепанные книжки, одна из которых привлекла мое внимание. Серенькая, в бумажном переплете, на обложке которой, вместо названия, красовалась чекистская эмблема – щит и меч со звездой. Я взял ее в руки и, прочитал на титульном листе: «Не выходя из боя». И подзаголовок: «Рассказы о чекистах». Выпущена Куйбышевским книжным издательством в 1972 году. Поколебавшись с минуту, я сунул ее в карман. Впереди был длинный и унылый ноябрьский вечер, а для этого времени нет лучшего занятия, чем неторопливое чтения какой-нибудь детективной или шпионской истории.

И вот, когда за окном уже окончательно стемнело, зарядил дождь со снегом, а где-то в щелях старого дома запел сверчок, засевший там, видимо, еще с незапамятных времен, я, запасшись кружкой крепкого чая, перебрался к печке, чтобы, не торопясь, изучить свое приобретение.

Книжка рассказывала о работе куйбышевских чекистов, и я сразу начал искать что-нибудь относящееся к Сызрани. Уже несколько минут спустя я углубился в чтение очерка «Конец дела «Залет».

Рассказ относился к началу 30-ых годов и повествовал о такой малоизвестной странице истории наших спецслужб, как противостояние разведке панской Польши. Эти братья-славяне имели неосторожность во время гражданской войны побить самого Тухачевского, а с ним и таких военных гениев, как Буденный со Сталиным. Поэтому на протяжении двух десятилетий не было у Страны Советов более злейшего врага, чем Польша, пока не сменил ее захудалый австрийский художник по фамилии Гитлер.

Польская разведка того времени считалась одной из лучших. Именно поляки выкрали и передали англичанам большинство секретов нарождающегося Третьего рейха. Был у них и вполне оправданный интерес к нашему региону. Дело в том, что Германия была пионером и лидером в разработке химического оружия. Лишившись после поражения в Первой мировой войне возможности иметь его, немцы перенесли все разработки на территорию своего союзника – Совет-

ской России, сосредоточив их в наших краях. По соседству с Сызранью в Чапаевске заработал завод по производству боевых отравляющих веществ «Берсолль», а к югу от нашего города разместился испытательный полигон химического оружия в Шиханах (так называемый объект «Томка»). Не удивительно, что поляки и, стоящие за ними англичане, всеми силами стремились обзавестись агентурой на Средней Волге.

Об одном из таких эпизодов и рассказывал, попавшийся мне очерк. В основу его легли реальные события, но, видимо из соображений секретности, изменили имена и чуть исказили действие. Для времени, когда даже географические карты рисовались неверно с целью запутать потенциального супостата, деяние вполне невинное. Читать-то все равно интересно.

В январе 1932 года к резиденту английской разведки в Варшаве обратился некий Мильский, недавно приехавший из Самары. Он заявил, что есть возможность создать разведывательную сеть в этом стратегически важном регионе и, что у него уже есть агенты для этого. Дмитрий Коротков в Самаре, Олег Караваев в Сызрани и Отто Клюге в Инзе. Предложением заинтересовались. До сих пор англичане и поляки собирали интересующую их информацию через немецких рабочих, приехавших из российской командировки, а тут возможность работать прямо на месте. Так в анналах спецслужб возникла резидентура под названием «Барнаба»

Меня, естественно, больше всего заинтересовал тот, кого скрыли под псевдонимом Олег Караваяев. Тем более, что судьба этого человека стала принимать самые причудливые очертания. Скромный руководитель драмкружка в сызранском клубе железнодорожников, получив предложение о сотрудничестве с зарубежной разведкой, немедленно обратился в ГПУ. Дальше началась полная опасностей и приключений жизнь двойного агента. Переходы через границу, явки, шифры, пароли, досье с разведанными. Кончилось все, как и положено в таких случаях, полным посрамлением врага и безоговорочной победой наших «штирлицев» над их «джеймс бондами». Из трех участников «Барнабы» Караваяев, как мы уже знаем, оказался агентом ГПУ, Ключе с самого начала отказался от сотрудничества, а Коротков, в этих условиях так и не смог «отдуться» за всех. В 1935 году резидентура была ликвидирована, так и не выполнив своего назначения.

Сосредоточив все свое внимание на Караваяеве, я как-то почти не обратил внимание на Отто Ключе, тем более, что он сразу выбыл из игры. Но, уже дочитав очерк, я никак не мог избавиться от ощущения, что пропустил нечто важное. Просмотрел еще раз повнимательней – ничего. Стал читать снова. И понял, что меня обеспокоило. В краткой биографической справке Отто Ключе значилось: «до революции работал управляющим имениями у крупной помещицы англичанки Пейм-Френч». Не нужно было быть семи пядей во лбу, что-

бы догадаться, что под этим псевдонимом скрывается Перси-Френч – хозяйка той самой усадьбы, о которой мне некогда рассказывали.

Значит управляющий ее именьями остался после революции в России и перебрался в Инзу. По возрасту он вполне мог быть знакомым с моим сызранским собеседником!

Я снова впился глазами в очерк. Теперь меня интересовало все, что связано с Отто Клюге. На мое счастье, автор рассказа был, видимо, человеком весьма многоопытным в сфере работы с информацией и сумел буквально в нескольких строках сообщить немало. Когда я, наконец, отложил эту невзрачную, исчерканную карандашными детскими каракулями книжку, мне стало уже совершенно ясно, что бывший управляющий именьями Перси-Френч – личность куда более загадочная, чем могло показаться на первый раз.

В Симбирскую губернию он приехал в 1905 году из Риги, после революции в 1920 году арестовывался органами ОГПУ. В резидентуру «Барнаба» его пытался вовлечь старый знакомый Мильский, причем именно в Клюге незадачливый шпион был особенно уверен. Еще один интересный факт: всех других членов формировавшейся разведсети учили пользоваться тайнописью, а вот бывшему управляющему почему-то сразу прислали зашифрованное письмо. Вряд ли умение кодировать корреспонденцию было непременно достоинством всех тогдашних специалистов в области сельского хозяйства. Или это было отличие лишь друзей

Мильского. Кстати последний (германский подданный между прочим) появился в Самаре перед самой Первой мировой и имел в определенных кругах устойчивую репутацию немецкого шпиона. К слову сказать, после неудачи с поляками он плавно перетек под крылышко абвера. Но это уже другая история.

Меня же все-таки больше интересовал Клюге. По всему выходило что это бывший немецкий шпион, засланный еще кайзером. В Германии произошла революция, по Версальскому договору была ликвидирована разведка, а агент так и остался жить в России, всеми забытый, пока «товарищ по работе» не попытался пристроить его на службу к полякам и англичанам. Теперь вся история начинала приобретать совсем иной оборот. И здесь мне не обойтись без упоминания о Вальтере Николаи.

Шеф немецкой разведки по сей день считается одним из величайших шпионов в истории. Причем по той самой парадоксальной причине, что о его деятельности почти ничего не известно. А это и есть первый показатель качества. Ведь разведчик становится знаменитым, когда проваливается. С людьми Вальтера Николаи этого почти не случалось. Во всяком случае в России за всю Первую мировую, по его словам, он не потерял ни одного сотрудника. Схватили и даже повесили кое-кого, но скорее больше по принципу «крайнего», чем ввиду реальной причастности к вражеской разведке.

Кстати и у нас в Симбирской губернии был весьма серьезный приступ шпиономании. Люди видели неизвестные аэропланы, летавшие в районе Усолья, а жандармы всерьез искали посадочные площадки и взяли под жесткий контроль реализацию нефтепродуктов на базе Нобеля в Батраках. Попался под горячую руку и некий фотограф из Австро-Венгрии. Его сильно интересовали виды невдалеке от стратегических объектов. Но изъятую у него пленку местные фотографы так и не смогли проявить (в России в то время снимали по старинке – на стеклышки). Кроме того, незадачливому любителю пейзажей помогла местная полиция, предоставив жандармам рапорт следующего содержания: «Заявление арестованного о том, что он человек творческий, подтверждаются показаниями свидетелей. Ибо все они в один голос утверждают, что ни разу не видели его трезвым». Такие вот были в те времена представления о вдохновении.

Агенты Вальтера Николаи были другого поля ягоды. Он говорил: «Разведка – профессия господ», и действовал соответственно. Его всегда интересовала элита. И, видимо, британская подданная Перси-Френч, обладавшая поместьями в Симбирской губернии, как нельзя лучше подходила устремлениям гения шпионажа. С местным дворянством были связаны премьер и просто министры, крупнейшие армейские поставщики. Если обладатель тайны сокровища усадьбы Перси-Френч был агентом разведки, то вполне объяснимо почему он надолго оставил в покое спрятанные ценности.

Такие люди обычно умеют ждать. А потом, видимо, что-то помешало. Может та самая история, описанная в маленькой серой книжечке «Не выходя из боя»?

Теперь я уже точно знал, что если узнаю тайну Отто Кюге, то это будет ключом к загадочному кладу. А пока нужно было узнать, кто же была такая эта английская подданная по фамилии Перси-Френч.

III. Наследница масонов

В Ульяновском Дворце книги, а именно так называется там областная библиотека, мне показали старинный том, украшенный роскошным экслибрисом. Два герба, окаймленные лентой с надписью: «Malo mori quam foedari». В переводе с латыни: «Предпочитаю умереть, нежели обесславить». Это девиз ирландского рода Френчей. По странному стечению обстоятельств этот книжный знак, соединивший два герба и канувший в фонды провинциальной библиотеки, емко, как ничто другое, отражает судьбу нашей героини, в которой перемешалось столько всего, что, пожалуй, хватило бы на пару дамских романов, столь популярных сейчас у части читательской аудитории.

Кэтлин Эмилия Александра Перси-Френч родилась 20 июня 1864 года в Лондоне.

Ее отец Роберт Максимилиан принадлежал к старинному ирландскому роду, известному еще с XVI века. Он владел замком Монивей в графстве Галуэй и, как истинный аристократ, избрал сферой своей деятельности дипломатическое поприще. Служил в Бельгии, Швейцарии, Испании. А еще он являлся членом Мальтийского ордена – закрытой аристократической корпорации Европы, вход в которую был доступен лишь избранным.

А вот матерью девочки была Софья Александровна Кин-

дякова, представительница симбирского дворянского рода, ничуть не менее старинного и почтенного. Ее предки владели здесь землями почти с самого основания города и играли заметную роль в жизни нашего края.

Прадед Софьи Александровны Василий Афанасьевич не раз избирался предводителем дворянства. Два его сына Петр и Павел, между прочим, были весьма любимы советской историографией, так как еще при императоре Павле I входили в некое антиправительственное тайное общество, что позволяло объявить их предтечами декабристов, а это, в свою очередь было очень кстати для родины будущего вождя мирового пролетариата. Все симбирские Киндяковы были людьми очень образованными и культурными и даже оставили след в русской литературе. Тетка Софьи Александровны Аделаида стала прототипом лермонтовской княжны Мэри, а действие гончаровского романа «Обрыв» и вовсе происходит в их родовом имении Винновке.

Такие вот два причудливых генеалогических древа сплелись в 1863 году в Свято-Троицкой церкви в Париже, где состоялось венчание Роберта Максимилиана и Софьи Александровны. Дочь свою они окрестили по католическому обряду. Но вся жизнь ее оказалась связанной с Россией.

Тут нам придется сделать еще одно небольшое отступление в область родословных. Кстати, эта одна из неизменных особенностей той самой «России, которую мы потеряли» – дворянства. Шагу не ступишь, чтобы не залезть в генеалогии-

ческие дебри. Буквально все друг с другом в каком-нибудь родстве, свойстве или кумовстве. И играло это в тогдашней жизни огромную роль.

Матерью Софьи Александровны была Эмилия Скребницкая, дочь тайного советника. Род этот имел совсем иную славу, чем просвещенные и гуманные Киндяковы и, кстати, тоже вошел в литературу. Кто-то из писателей вывел их в своих произведениях под фамилией Скверницких. Факт, говорящий сам за себя. Славилась Скребницкие очень дурным обращением со своими крепостными. Зато были богаты. Им принадлежало громадное имение с центром в селе Тереньга, по площади не уступающее иному захудалому европейскому княжеству, где помимо пашен и крепостных были суконные фабрики, мельницы и много всякого другого добра.

Поэтому у дочек Александра Скребницкого Софьи и Эмилии недостатка в женихах не было. Одна, как уже говорилось, стала Киндяковой, а вторую все тянуло на иностранцев. Сначала вышла замуж за графа Адама Кронштедта, потом развелась с ним (дело в те времена хлопотное и шумное) и нашла себе шведского барона Клааса Стремфельдта. С ним и поселилась в Тереньге в оставшемся после смерти Александра Скребницкого имении.

Когда я собирал материал о помещице Перси-Френч, то поначалу хотел оставить все эти семейные подробности. Но привычка не пренебрегать мелочами взяла свое. Добросовестно выписав все, что относилось к Скребниц-

ким и Стремфельдтам, я положил этот листок к остальным. На всякий случай.

А теперь давайте вернемся к Софье Александровне Киндяковой, которая в 1863 году сменила фамилию на Перси-Френч. Видимо от своих предков Скребицких она унаследовала непростой нрав, потому что всю жизнь с кем-то не ладила. С отцом, мужем, дочерью. Видимо, пытаюсь спасти семью, Роберт Максимилиан в 1872 году перевелся на службу в Россию советником посольства, но это не помогло. Супруги расстались. Разводиться не стали, просто разъехались. Софья с дочерью, которую теперь все звали Катей, поселилась у отца в Симбирской губернии, ее муж, выйдя в отставку стал проводить большую часть времени на курортах Франции и Италии, вращаясь в кругах европейской знати.

В чужую холодную Россию приехала и гувернантка девочки англичанка Дженни Томкинс. Она так и прожила со своей воспитанницей до самой смерти. Уже на склоне лет Екатерина Максимилиановна скажет, что всем добрым и светлым, что есть в ее душе, она обязана мисс Томкинс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.